

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

© 1991 г., СЭ, № 3

И. М. Шкляж, А. В. Поздняков

ЗУЛУССКИЙ ВОЖДЬ СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ...

События, о которых пойдет речь в данной публикации, произошли более ста лет тому назад в Южной Африке. Тем не менее интерес к истории, этнографии зулусов — одного из самых крупных южноафриканских народов — отнюдь не уменьшился. Авторы этих строк не погрешат против истины, отметив, что зулусам в свое время были посвящены десятки статей и монографий. Однако их создатели пользовались источниками неафриканского происхождения, например записками путешественников и миссионеров, донесениями колониальных чиновников и т. п.

В этом нет ничего предосудительного, так как европейцы, наблюдавшие этот народ, были искренними противниками угнетения аборигенов Южной Африки. Кроме того, зулусы, не имевшие письменности, не могли создать свидетельства своей истории.

Но вот советским специалистам по истории Южной Африки попали в руки документы, позволившие в какой-то степени дополнить представление о быте, семейно-брачных отношениях, особенностях политической структуры зулусов.

Однако попробуем объяснить все по порядку. В январе 1879 г. вспыхнула англо-зулусская война, в которой зулусы потерпели поражение. Верховный правитель страны Кетчвайо (1828—1884) был взят в плен и отправлен в Капскую колонию. Казалось, его судьба была решена, его ждало полное забвение. Однако история распорядилась иначе.

Мужество, проявленное зулусскими воинами в ходе кровавых баталлий 1879 г., огромный авторитет самого Кетчвайо, ставшего знаменитым во многих странах мира, вынудили английские власти использовать пленного «короля» в своих интересах. Да и сам вождь как бы решил реабилитировать себя перед историей, не удовлетворившись тем, что в ее анналах его имя — имя племянника великого Чаки — упоминалось бы лишь в связи с поражением в войне¹.

6 июля 1881 г. в жизни ссыльного вождя произошло важное событие. В этот день он начал давать показания специально созданной комиссии «по законам и обычаям туземцев»².

При дознании Кетчвайо было предложено ответить на 301 вопрос, которые можно условно разделить на шесть тем: семья и брак; исполнительная, законодательная и судебная власть; отношения собственности и наследования; традиции и верования; внешние связи; военная система. Главное место среди них занимала проблема семьи и брака.

На первый взгляд может показаться странным тот факт, что высокопостав-

ленные чиновники оставили на время свои должности для того, чтобы выяснить у Кетчвайо подробности семейно-брачных отношений, существовавших у его соплеменников. Подобное внимание поддерживалось не только профессиональными интересами председателя комиссии Дж. Бэрри, серьезно занимавшегося различными аспектами «туземной» проблемы в Южной Африке, но и вопросами военно-политической подготовки зулусской армии.

Однако, не успев добраться до фермы Ауди Молен, где содержался Кетчвайо, члены комиссии узнают, что один из слуг вождя покончил жизнь самоубийством. Такое событие было редкостью в среде африканцев. Вполне естественно, что оно заинтересовало членов комиссии. Ее председатель не преминул воспользоваться случаем и спросить вождя о причине, побудившей его слугу свести счеты с жизнью. Неожиданно для чиновников выяснились любопытные обстоятельства, связанные с кодексом чести у зулусов.

К этому событию мы еще вернемся. Вначале важно выяснить и другие обстоятельства, заставившие Кетчвайо ответить на все вопросы (их было около ста) по проблемам семейно-брачных отношений.

Известно, что английская колониальная администрация стремилась к широкой экспансии в Южной Африке.

Английские колониальные власти уже давно проявляли интерес к тому, что происходило в стране зулусов. Однако сведения, поступающие из Зулуленда, касались главным образом «туземной» армии, а также характеристики инкоси³ и его ближайшего окружения.

Война 1879 г. донельзя осложнила англо-зулусские отношения, но в Лондоне надеялись, что положение можно будет исправить. Направив комиссию к зулусскому вождю, власти рассчитывали, с одной стороны, «прошупать» настрояние Кетчвайо, а с другой — вооружиться необходимыми сведениями из «первых рук» относительно различных сторон жизни его племени. Нельзя также не учитывать того обстоятельства, что в долгосрочной перспективе английское правительство надеялось захватить Зулуленд целиком. Таким образом, свидетельства Кетчвайо, по мнению стратегов из колониального ведомства, были способны помочь чиновникам осуществить управление свободолюбивым народом.

Авторы этих строк уже сообщали, что члены комиссии были удивлены самоубийством человека из ближайшего окружения «короля», находившегося под пристальным надзором колониальных властей. В этой связи Дж. Бэрри спросил вождя: «Мы полагаем, что он пытался изнасиловать женщину, и страх перед последствиями этого заставил его покончить с собой. Какое наказание он понес бы, если бы совершил такое преступление в своей собственной стране?»⁴. Кетчвайо отвечал, что такой человек был бы незамедлительно казнен. Вождь также отметил, что зулусские законы стоят на страже чести и достоинства женщины. Ответ Кетчвайо вызвал недоумение у членов комиссии, которые резонно заметили: «Если достоинство женщины пользуется таким уважением, то почему, как утверждают, с ними обращаются таким образом: покупают и продают в жены, не спрашивая их согласия?»⁵.

Кетчвайо пояснил: зулусских девушек принуждали выходить замуж потому, что они вступали в связь с мужчинами, не имевшими права носить головные кольца⁶. Эти молодые люди являлись воинами и были обязаны находиться в специальном краале⁷. Такие порядки существовали задолго до правления Кетчвайо. Основатель зулусской военной системы — вождь Чака ввел закон, согласно которому все мужчины определенного возраста подлежали «призыву» в армию и только специальное разрешение правителя предоставляло им возможность вступать в брак, а значит, покидать военный крааль. Правда, в случае войны они обязаны были возвращаться туда⁸.

Зулусы, по-видимому, отличались от других африканских народов еще и тем, что семейные отношения в этом племени строго регламентировались и являлись объектом пристального внимания верховной власти. Отчасти это обстоятель-

ство можно объяснить жесткой милитаризацией всех сторон жизни зулусского общества.

Кетчвайо особо отметил, что главой зулусской семьи является отец, пользующийся большой властью⁹. Это же подтверждает и английский миссионер А. Брайант, писавший: «Основу социальной организации зулусов представлял глава семьи, который пользовался всеми правами... Зулусская семья имела под собой твердую почву, опираясь на сильные плечи отца семейства»¹⁰. Судьба дочерей фактически полностью зависела от воли главы семьи. В частности, отец решал, за кого должна выйти замуж его дочь и сколько скота следует потребовать от претендента на ее руку. Кетчвайо об этом говорит: «...девушка отдается тому, кого выбирает ее отец»¹¹.

Выбор отца во многом зависел от имущественного положения жениха. Как правило, «выкуп» был не очень обременителен для мужчины. Брайант в этой связи приводит такие данные: «В то время за невесту давали от трех до десяти голов скота в зависимости от общественного положения отца»¹².

Члены комиссии, явно не удовлетворенные ответом вождя, спросили: «Разве это правильно, что отец продает свою дочь человеку, которого она не любит, лишь ради скота, полученного за нее?»¹³ Кетчвайо, прекрасно знавший обычаи и законы своего племени, подробно объяснил англичанам суть удивившей их традиции. Оказалось, что отец, отдавая дочь замуж, не считаясь с мнением последней, «заботится о ее благосостоянии в будущем»¹⁴. Вождь не соглашался с комиссией, подозревавшей зулусских отцов в корысти. Он утверждал, что на самом деле количество скота, получаемого главой семейства в качестве выкупа, не имеет решающего значения. Если на одну девушку претендуют несколько женихов, то отец смотрит не на количество скота, а считается с мнением дочери, и ее слово в этом случае является последним в выборе спутника жизни. Наконец, Кетчвайо утверждал, что девушка, бежавшая от своего жениха и нарушившая этим желание отца, не подлежит наказанию¹⁵.

Ответы зулусского вождя должны были, как кажется, пристыдить представителей цивилизованной нации.

Мужчины у зулу находились в более привилегированном положении, чем женщины. Кетчвайо отмечает, что любой мужчина, получивший разрешение на женитьбу, может взять несколько жен в зависимости от того, каким количеством скота он владеет. При этом вождь ссылается на экономический фактор. Жены обязаны были возделывать сады и огороды, заниматься детьми и выполнять другие многочисленные обязанности. Кроме того, от нескольких жен можно было иметь много детей. А это, по мнению Кетчвайо, значило следующее: «...когда дети вырастут, до своей женитьбы будут много работать на него (отца.— Авт.)»¹⁶.

Не следует, однако, думать, будто зулусы стремились иметь большую семью лишь ради эксплуатации своих детей или получения «выкупа» за дочерей. Вождь, понимая смысл задаваемых ему вопросов, подчеркивал, что мужчины радовались рождению сына больше, чем дочери, несмотря на то что после женитьбы часть его имущества переходила в дом тестя. Сыновья для зулусских родителей были опорой в старости. Вот как об этом можно прочесть в документе: «...сыновья остаются ухаживать за отцом, тогда как дочери выходят замуж и покидают его»¹⁷.

И еще одна любопытная деталь: случалось, что муж уличал жену в неверности. Во многих странах в те времена ей грозила бы смерть, а у зулусов, согласно Кетчвайо, супруг «отсылал ее прочь»¹⁸. Значит, у зулусов существовал развод — в то время, когда даже во многих европейских государствах о таком способе решения семейных проблем даже не помышляли.

Как в этом случае решались имущественные дела? Кетчвайо дает на этот вопрос пространственный ответ. Он отмечает, что если жена «вела себя дурно», она отправляется восвояси, а скот возвращается мужу. Правда, инкоси не уточняет, что следует понимать под «дурным поведением». По зулусским зако-

нам правомерность поступка супругов решает суд вождей. И если они находят, что действия главы семьи были неверными, то «ее возвращают к мужу, а скот остается во владении отца»¹⁹.

Конечно, и у зулусов были случаи, когда муж или жена по какой-либо причине покидали друг друга, но сыновья и дочери всегда оказывали почтение родителям, неукоснительно о них заботясь. Кетчвайо говорил англичанам, что слышал о многих случаях, когда «женщины отказывались идти к своим мужьям, пока те не отдавали скот отцу или матери»²⁰.

Приниженное положение женщины в зулусском обществе во многом было связано с отношениями собственности. Как правило, сами женщины были собственностью вначале отца, затем мужа или наследника. Нередко случалось, что девушка, еще пребывая в родительской хижине, могла иметь свое небольшое имущество: козу, корову и т. п. Однако выйдя замуж, дочь оставляла все это отцу. Другое дело — дочери вождя. Им было позволено забирать свою собственность, и порой довольно значительную, в крааль мужа²¹.

В заключение отметим, что если зулусы сравнительно легко справлялись со своими семейными заботами, то это лишний раз свидетельствует о мудрости народных обычаев.

Следует напомнить нашему читателю, что накануне войны 1879 г. Великобритания в лице ее полномочных представителей предъявила правителю сравнительно небольшого зулусского племени грозный ультиматум. В нем среди прочего порицалось беззаконие, якобы царившее в Зулуленде, а поэтому туда для установления «законности и порядка» были направлены английские войска.

Неужели в стране Кетчвайо не существовало закона, а властвовала лишь воля «деспотичного короля»? Бывший инкоси по этому поводу высказался следующим образом: «...король проводит совещания с вождями... Они издают закон. Он (правитель.— *Авт.*) не может принять закон без согласия вождей...»²². И далее Кетчвайо не без гордости добавляет: «Нет в Зулуленде человека, который бы не знал закона»²³.

Именно благодаря тому, что в Зулуленде существовали законы, зулусская армия смогла оказать, хотя и кратковременное, сопротивление англичанам.

Допрашивая бывшего инкоси, члены специальной комиссии интересовались также знаменитой военной системой своих недавних врагов.

Зулусы были известны как наиболее мужественные, стойкие и искусные воины среди всех племен юга Африки. Что же представляла собой их военная организация? До преобразований в армии, проведенных в свое время Чакой, военное дело у зулусов оставалось на довольно примитивном уровне. Но следует отметить: как бы ни был талантлив этот полководец и сколь бы ни были велики его организаторские и военные способности, без достаточных предпосылок, заложенных в традициях и быте зулусов, он вряд ли смог бы добиться таких блестящих результатов.

Весь уклад жизни этого племени способствовал воспитанию бескорыстных, неприхотливых и до фанатизма преданных своему делу воинов. Их обучение начиналось с 17-летнего возраста, когда юношей на два-три года отдавали на воспитание в один из военных краалей, где они обучались военному мастерству. По достижении молодыми людьми 20-летнего возраста из них формировали новый боевой полк (и-буто)²⁴.

Рассмотрим теперь организацию зулусского войска. Оставалась ли она неизменной со времен Чаки? Казалось бы, годы должны были внести свои коррективы, тем более если учесть, что за почти тридцатилетний период правления отца Кетчвайо Мпанде (? — 1872) дисциплина в армии значительно ухудшилась. Суровая регламентация всех сторон жизни зулусского воина уступила место более либеральному отношению к вопросам брака, а следовательно, осложнила комплектование войска²⁵.

Однако при Кетчвайо наметилось возвращение к прежним строгим порядкам, установленным Чакой. В ответах на вопросы членов комиссии вождь под-

тверждает, что давал разрешение на женитьбу сразу всему полку, воины которого достигли «брачного» возраста (около 40 лет. — Авт.) Объясняя причину отказа в разрешении на «досрочную» свадьбу, инкоси говорит: «Король не может позволить определенным полкам жениться потому, что они слишком молоды и работают в военных краалях»²⁶.

Какую работу выполняли воины? По данным Кетчвайо, кроме военной подготовки, они занимались: «строительством военных краалей, посевом, жатвой, возделыванием садов для короля»²⁷. Но что по этому поводу сообщают другие источники, в частности миссионеры? Обратимся к А. Брайанту: «Юноши собирались в военные краали по воле короля. Хотя их не подвергали муштровке, они действовали и как армия, и как полиция, и как рабочие команды. Они сражались в боях с врагами и делали набеги на чужие стада, если государственных фондов было недостаточно (государственным запасом считался королевский скот). Именем короля разрушали чужие краали и уничтожали осужденные семьи, творили правосудие над упорными преступниками, строили и ремонтировали королевский крааль, обрабатывали его поля, изготовляли для него военные щиты. И за все это получали лишь скудное пропитание, никакой платы, ни слова благодарности. Ведь это являлось обязанностью каждого перед государством, и ее должны были выполнять беспрекословно, ни на что не жалуюсь»²⁸.

Как видим, Кетчвайо в ответе упоминает лишь часть функций своих «импи»²⁹. Вполне понятно стремление вождя скрыть некоторые «одиозные» в его положении стороны зулусской военной организации. Правда, есть все основания полагать, что армия инкоси выполняла все указанные выше обязанности. Например, описание карательной акции можно прочесть в любопытном документе «Жизнь и путешествия одной дамы в Зулуленд и Трансвааль в царствование Кетчвайо»: «Капитан импи производит расчет своих людей, и каждый становится с копьем в руке у входа в хижину. Как только обитатели выходят наружу, их пронзают копьем подобно тому, как охотник, стоя у прорубей Северных морей, вонзает свое копьё в тюленя, высунувшегося подышать»³⁰.

Важной чертой, характеризующей перемены в военной структуре во времена Чаки, был отказ от своеобразного поощрения молодых воинов, проявивших доблесть в бою. Существовала традиция, введенная этим правителем, согласно которой воины, отличившиеся в сражении, получали право на женитьбу. Разумеется, такая награда поощряла молодых воинов к поиску новых источников кровопролития, дававших им возможность продемонстрировать свою храбрость.

Однако во времена Кетчвайо положение коренным образом изменилось. Он уже не мог проводить ту же захватническую политику по отношению к соседним племенам, что и его дядя. Прежде чем приступить к широкому завоеванию, Чака укрепил свою власть внутри собственного племени. Между тем Кетчвайо был вынужден решительно подавлять сепаратистские тенденции внутри своего племенного союза. Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что во второй половине XIX в. рядом со страной зулусов появились куда более активные в осуществлении своих экспансионистских планов соседи. На юге осели англичане, на западе — буры. Вступать в конфликт с европейцами было бы не только неразумно, но и губительно для зулусского вождя.

Единственной сферой воинственного пыла были племена свази, жившие на севере. Одно время инкоси даже планировал войну со своими соседями, однако был вынужден отказаться от этих планов из-за вмешательства администрации британской колонии Наталь. А ведь зулусского вождя можно было понять: не так легко было умиротворить «беспокойных и задиристых» юношей, полных боевого запала и решимости «омыть свои копья».

Зулусские воины хорошо знали правило: героизм, проявленный в бою, дает право иметь семью задолго до истечения срока службы в армии. Наслышаны

были об этой традиции и члены комиссии. Однако в ходе допроса они убедились в том, что новые условия заставили Кетчвайю отвергнуть этот старый обычай.

Положение воинов, «ушедших в запас» по выслуге лет, по сравнению с прошлым практически не изменилось. Кетчвайю отмечает: «Да, женатые люди все равно — солдаты, но не такие, как молодые. Последние выполняют работу в различных частях страны, а женатые работают вблизи своих краалей»³¹. По мнению вождя, «солдаты, которые носят головное кольцо, не работают на короля»³². В сущности это означало, что мужчины, получившие право носить головное кольцо, пользовались куда большей свободой, чем неженатые.

Интересно, что в ответ на вопрос о плате солдатам Кетчвайю выражает искреннее недоумение, спрашивая, «почему король должен был платить им?»³³. Система снабжения армии со времен Чаки осталась неизменной. Кетчвайю, как и его предшественники, предоставлял определенное количество скота на полк, и «они должны были брать его в различные части страны для разведения»³⁴.

Наконец, вернемся к тому, с чего мы начали рассказ об армии: к вопросу о высоких моральных качествах зулусов, их патриотизме. Согласно данным Кетчвайю, в его стране не существовало принудительной воинской повинности, несмотря на то, что «каждый мужчина в Зулуленде начинал свою жизнь солдатом»³⁵. О причинах такого положения вождь дает простой и логичный с точки зрения зулусов ответ: «Каждый хочет быть солдатом. Если кто-то остается дома, то другие смеются над ним и говорят, что он унгого»³⁶.

По всей вероятности, члены специальной комиссии еще до приезда на ферму Ауди Молен были осведомлены об особенностях зулусской армии. Беседа с Кетчвайю еще более расширила их знания о военной организации этого племени.

Не вина Кетчвайю в том, что он жил в такое время, когда и прославленная военная система уже не могла спасти зулусский народ от поражения.

Даже традиционные верования в период правления этого «короля» стали подвергаться определенным изменениям. Эти проблемы интересовали не только европейцев — служителей культа. Английские чиновники, вникая в особенности военной системы, не могли не обратить внимание на своеобразное идеологическое обоснование верховной власти у зулусов. Здесь имеется в виду институт так называемых искателей колдунов, которые обладали немалой властью над соплеменниками. Их услугами нередко пользовались инкоси. Э. Риттер, хорошо знавший обычаи зулусов, так описывает явления, которые часто вынуждали суеверных африканцев обращаться к «искателям колдунов»: «В Булавайю (столица „королевства“ Чаки. — Авт.) Чаку ждали дурные вести. Началось с того, что над краалем пролетела молотоголовая цапля. Потом забрел дикобраз. Вслед за этим на ограду крааля уселась ворона и заговорила человеческим голосом. И наконец, у самых ворот крааля молнией убило двух коров. Совершенно очевидно, что тут не обошлось без колдовства. Надо было „вынюхать“ злодея или злодеев»³⁷.

Возникает вопрос: почему верховному вождю приходилось прибегать к услугам исангомас?³⁸ Во-первых, для того, чтобы держать в суеверном страхе десятки тысяч своих подданных. Правители даже первобытных племен понимали, что людьми, находящимися в постоянном страхе, легче управлять. Во-вторых, нередко случалось, что инкоси и их приближенные обогащались за счет своих подданных, ставших жертвами «вынюхивания». Исангомас, зная об имущественном положении подозреваемых, предпочитали указывать на весьма состоятельных (по зулусским меркам) людей, скот которых после их мучительной казни конфисковался в пользу вождя. Позднее верховный правитель одаривал своих приближенных, не забывая при этом наградить палачей и «вынюхивателей». В-третьих, в повседневной жизни зулусов порой происходили непонятные им явления, которые можно было объяснить только «колдовством». После наказания виновных возникала иллюзия предотвращения будущих неприятностей. Кроме того, общественное мнение было вполне удовлетворено.

«Вынюхивание» представляло собой особый обряд, избежать которого не мог никто, кроме верховного вождя. Эта страшная процедура происходила следующим образом: все взрослое население района, в котором, по предположению исангомас, проживал «виновник» случившихся несчастий, выстраивалось в специально отведенном месте. Затем появлялись «искатели колдунов» в сопровождении палачей, и кровавый спектакль начинался. Принюхиваясь, испуская дикие вопли и выкрикивая заклинания, исангомас шествовал между рядами людей. Короткий удар кнутом, сделанным из хвоста антилопы-гну, перед кем-либо означал смертный приговор для подозреваемого. Обычай предусматривал наиболее жестокий и мучительный способ казни. Осужденному вгоняли кол в задний проход. Спастись от смерти можно было только у инкоси.

Однако как бы вожди ни нуждались в услугах исангомас, наступало время, когда «вынюхиватели» становились опасными даже для верховной власти. Количество «искателей колдунов» быстро росло, ибо для многих это оказывалось не только безопасным, но и весьма прибыльным занятием. А если учесть и тот факт, что исангомас освобождались от обязанностей служить в армии инкоси, то становится понятным, что статус «вынюхивателей» означал для них не только почет и уважение со стороны суеверных зулусов, но и сулил вполне реальные выгоды.

Относительная независимость от верховной власти, устойчивое материальное положение при праздном образе жизни, возможность оказывать реальное влияние на важнейшие процессы внутри страны — все это вело к тому, что исангомас переставали считаться с мнением и интересами вождя. Более того, нередко они, желая ослабить власть инкоси, указывали палачам на его ближайших советников, верных и надежных военачальников. Самого правителя нельзя было обвинить «в колдовстве», однако лишившись наиболее преданных приближенных, вождь легко мог стать добычей обычной борьбы за власть.

Инкоси должен был не без оснований опасаться подкупа «искателей колдунов» теми, кто замышлял его свержение. Это понимали все правители. Они в меру своих возможностей старались ослабить могущество исангомас, подчинить их своей власти. Наибольших успехов в этом удалось добиться Чаке и отчасти — Кетчвайю. В тот промежуток, что отделяет правление Чаки от правления его племянника, равный почти полувек, произошли значительные изменения в методах их борьбы. Чтобы получить представление о том, как это проделал Чака, следует обратиться к опубликованному в феврале 1880 г. в английском журнале «Макмилланз мэгэзин» «Рассказу Кетчвайю о нации зулусов и войне»³⁹.

Чака считая, что в борьбе за сохранение и укрепление своей власти все средства хороши, решил попросту уничтожить большую часть враждебных ему знахарей. С этой целью он разработал специальный план, заключавшийся в том, чтобы спровоцировать проведение грандиозного «вынюхивания». Его задачей было собрать на это мероприятие всех исангомас страны, а затем при помощи заранее подготовленной хитрости разоблачить прибывших «вынюхивателей», доказав всем, что их сверхъестественные способности — не что иное, как мошенничество.

Вот как об этом сообщает Кетчвайю: «Он (Чака.— *Авт.*) и два человека, бывшие в курсе дела, добыли бычьей крови и однажды ночью разбрызгали ее над несколькими хижинами. Затем он собрал вместе всех „вынюхивателей“ земли и устроил великое „вынюхивание“. Их всех призвали назвать человека или тех, что это сделал. Все „вынюхиватели“ обвинили множество разных людей, кроме двух, имевших смелость или сообразительность обвинить в этом самого Чаку! Инкоси тогда приказал убить всех „вынюхивателей“, за исключением двух знахарей, заподозривших его самого. Таким образом, только двое их и осталось в стране»⁴⁰. Каким же образом развивались события после этой расправы? Документ из «Макмилланз мэгэзин» сообщает: «Их число

(«вынюхивателей». — *Авт.*) выросло в правление Дингаана и Мпанде ⁴¹, а также значительно увеличилось в правление Кетчвайо, который имел серьезные намерения избавиться от этих паразитов. Он сказал, что из-за их многочисленности страдают его полки (вынюхиватели были освобождены от военной службы (прим. *Кетчвайо*). Король хотел бы собрать их, чтобы приказать построить крааль в какой-нибудь непроходимой части страны и затем заставить их жить там, вдали от всех остальных. Однако это никогда не было выполнено» ⁴².

И вот здесь мы встречаемся с явным противоречием. Кетчвайо, как и все его соплеменники, был достаточно суверен. Его тюремный опекун капитан Раскомб Пул так писал о нем: «Находясь в заключении в Кейптауне, король однажды утром оказался в подавленном состоянии, так как увидел во сне, будто „дома происходит что-то неладное“» ⁴³. Далее Пул приводит замечание переводчика У. Лонгаста относительно этого случая: «Если бы он (Кетчвайо. — *Авт.*) был сейчас королем, то какой-нибудь бедолага был бы „вынюхан“ и убит, и тогда бы его душа успокоилась» ⁴⁴. Сам Кетчвайо признает, что порой был вынужден соглашаться с выводами «вынюхивателей» относительно наказания обвиненных ими людей. Но тут же добавляет, что делал это прежде всего в соответствии с обычаем. Это подтверждает и его индунa ⁴⁵ — мелкий вождь Умкосана: «Да, колдунов в правление Кетчвайо убивали, но это не его вина... Черные с незапамятных времен верили в колдунов, поэтому и он не мог действовать иначе...» ⁴⁶.

И все же, считаясь с традициями племени, Кетчвайо сохранял способность трезво анализировать деятельность исангомас. «Кетчвайо признает, что сам он мало верит в колдунов. Он знает, что во многом продолжается взяточничество» ⁴⁷. Но стремление свое освободить страну от «вынюхивателей» он пытается реализовать законным путем. Именно в этом заключается отличие его действий от деятельности Чаки. Если в первоначальном варианте мы видим прямое насилие, то через пятьдесят лет перед нами уже более тонкая политика — стремление путем изменений в судебном законодательстве ограничить права враждебной ему прослойки знахарей. Конечно, не только ход времени модифицировал политику верховного вождя. Среди причин этого следует назвать и расселение на зулусских землях европейцев, прежде всего англичан, оказывавших сильное влияние на быт и нравы местных жителей, политику их вождей.

За два дня своей работы комиссия узнала от Кетчвайо немало интересных подробностей о жизни и обычаях его племени. Порой британских чиновников интересовали, казалось бы, самые неожиданные проблемы. Такие, как, например, распространение пьянства. Беседовавшие с вождем европейцы знали, что многие религиозные обряды у зулусов так или иначе связаны с употреблением алкоголя. Тем более эта тема была актуальна и для жителей Британских островов. В Англии священнослужители нередко, обращаясь к своей пастве, призывали к трезвости, и такое обращение было вполне оправданным. Например, в беднейших районах британской столицы алкоголизм и проституция превратились в постоянных спутников их обитателей. Об этом хорошо знали английские юристы, ставшие на определенное время членами специальной комиссии «по законам и обычаям туземцев». То, что они интересовались вопросами пьянства среди зулусов, не должно вызывать у нас удивление. Во всяком случае, Кетчвайо сумел убедить своих собеседников в том, что члены его племени традиционно пьют пиво, которое изготовлялось в любой семье. При этом его можно было употреблять в любом количестве. Однако это вовсе не означало, будто пьянство в Зулуленде поощрялось. Содержание алкоголя в продукции местных пивоваров было незначительным, и потому пиво, по выражению Кетчвайо, было таким же обыденным напитком для зулусов, каким кофе являлось для англичан ⁴⁸. Вместе с тем Кетчвайо отметил, что более крепкие напитки типа бренди зулусам известны только благодаря английским торговцам.

Итак, мы попытались рассказать об уникальном источнике, автором кото-

рого был вождь Кетчвайо. Документ, получивший название «Свидетельства Кетчвайо Капской правительственной комиссии по законам и обычаям туземцев», представляет большой интерес для исследователя.

Ответы Кетчвайо позволили лучше представить себе незаурядного человека, глубже понять его взгляды на различные проблемы общественно-политической и бытовой стороны жизни зулусского племени.

Примечания

¹ Чака (1787—1828) — верховный правитель зулусских племен; основатель впоследствии знаменитой зулусской военной системы.

² «Свидетельства Кетчвайо Капской правительственной комиссии по законам и обычаям туземцев» были опубликованы в Синей Книге Капской колонии. (Cape of Good Hope // Blue Book Cape Town. 1883. 4. Pt 1. P. 517—534.

³ Инкоси (яз. зулу) — верховный вождь.

⁴ A Zulu King Speaks: Statements Made by Cetshwayo KaMpande on the History and Customs of His People / Ed. by Webb C. de B. and Wright J. B. Durban, 1978.

⁵ Ibid. P. 66.

⁶ По зулусской традиции каждый мужчина, достигавший определенного возраста, получал разрешение носить на голове специально изготовленное кольцо, что означало его право жениться.

⁷ Крааль (у зулусов) — несколько хижин, составляющих поселение для одного семейного клана.

⁸ Риттер Э. А. Чака Зулу. М., 1968. С. 377.

⁹ A Zulu King Speaks... P. 66.

¹⁰ Брайант А. Т. Зулусский народ до прихода европейцев. М., 1953. С. 255.

¹¹ A Zulu King Speaks... P. 66.

¹² Брайант А. Т. Указ. раб. С. 326.

¹³ A Zulu King Speaks... P. 66.

¹⁴ Ibid. P. 68.

¹⁵ Ibid. P. 69.

¹⁶ Ibid. P. 73.

¹⁷ Ibid. P. 69.

¹⁸ Ibid. P. 66.

¹⁹ Ibid. P. 89.

²⁰ Ibid. P. 72.

²¹ Ibid. P. 88.

²² Ibid. P. 82.

²³ Ibid. P. 83.

²⁴ Брайант А. Т. Указ. раб. С. 128.

²⁵ Там же. С. 323.

²⁶ A Zulu King Speaks... P. 70.

²⁷ Ibid.

²⁸ Брайант А. Т. Указ. раб. С. 128, 129.

²⁹ Импи (яз. зулу) — отряд вооруженных воинов инкоси.

³⁰ A Lady's Life and Travels in Zululand and the Transvaal During Cetewayo's Reign. L., 1882. P. 78.

³¹ A Zulu King Speaks... P. 70.

³² Ibid. P. 73.

³³ Ibid. P. 90.

³⁴ Ibid.

³⁵ Ibid. P. 83.

³⁶ Ibid. Унгоро (яз. зулу) — молодая перепелка.

³⁷ Риттер Э. А. Указ. раб. С. 115.

³⁸ Исангомас (яз. зулу) — «искатели колдунов», «вынюхиватели колдунов».

³⁹ The Macmillan's Magazine. Febr., 1880. P. 273—295.

⁴⁰ A Zulu King Speaks... P. 20.

⁴¹ Дингаан (? — 1843) — брат Чаки, был верховным вождем с 1828 по 1840 (38); Мпанде (? — 1872) — брат Дингаана и отец Кетчвайо, правил зулусами с 1840(38) по 1872.

⁴² A Zulu King Speaks... P. 20.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Индуна (яз. зулу) — титул военачальника, который являлся также ближайшим советником инкоси.

⁴⁶ A Zulu King Speaks... P. 19.

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ Ibid. P. 91.